

ДВА МЕЧА НА ВОЙНЕ: GILLETTE ПРОТИВ WILKINSON

Моему отцу было всего пять лет.

Семья жила в горной деревне, смотревшей сверху на равнину. Из каменных домов мир казался далёким, но всякое событие рано или поздно взбиралось на гору.

Козу они купили у одного человека из профсоюза. Когда-то животное приносило доход, но хозяин решил его продать.

Каждое утро бабушка пыталась её подоить.

Молока вечно не хватало.

Отец хотел завтракать, как хотят все дети. И на столе появлялась чашка: чёрствый хлеб, немного козьего молока и горная вода — чтобы хватило ещё на день.

Это была война ещё до того, как её называли войной.

На рассвете он уходил недалеко от дома, на маленькую площадь, и смотрел в небо.

Оттуда он следил за войной, как за игрой.

Самолёты пересекали горизонт. С равнины доносился вой сирен. Бомбы падали на аэродромы и военные объекты. Взрослые говорили шёпотом, а дети смотрели вверх.

Началась Вторая мировая война.

Она втянула всех.

Но двум событиям, разделённым тысячами километров, суждено было встретиться в одном лезвии.

На британские налёты немцы ответили бомбёжками Лондона и других крупных городов. Заводы сбавили обороты. Снабжение оскудело. Даже знаменитые лезвия Wilkinson Sword стали исчезать с полок.

В это же время британские войска сражались в Африке.

Там они брали пленных тысячами.

Армия может вытерпеть голод.

Армия может вытерпеть жару.

Чего она вытерпеть не может — так это болезней.

Первым ритуалом, которому подвергали многих пленных, была не речь, не парад и даже не прививка.

Это было бритьё.

Чистое лицо означало меньше паразитов, меньше инфекций и больше контроля.

В первые месяцы все искали Мечи.

Мечей не было.

Лондон не успевал их поставлять.

И тогда вмешалась Америка.

Корабли шли через океаны с продовольствием, топливом, снаряжением и — среди бесчисленного прочего — с лезвиями.

В лагерях для военнопленных произошла едва заметная перемена.

Люди перестали просить Мечи.

Они стали просить Gillette.

Как Первая мировая помогла прославить Wilkinson Sword, так Вторая мировая помогла превратить Gillette в нарицательное слово.

Марка стала языком.

Годы спустя, когда пленные, солдаты и рабочие возвращались домой — в Италию, во Францию, в Египет, в Грецию, куда бы ни забросила их судьба, — они заходили в ближайшую лавку и не спрашивали лезвие.

Они говорили:

«Дайте мне Gillette».

Вот это сражение и было главным.

И Два меча его проиграли.

Фердинандо